

СЛУЖБА ЯЗЫКА

Статьи Егора Исаева
о литературе

ИЗЛЮБЛЕННЫЙ образ писателей иного, чем у нас, мироощущения — стена. В этом образе есть своя символика и есть своя художественная выразительность, которую я вижу не только в чувстве безысходности, не только в утверждении «бытия в смерти», но и в дегуманизации жизни, которая, по мнению этих писателей, есть плод абстрактного творческого разума и должна быть «очищена» от любой жизненности.

Полярность наших идейно-эстетических позиций с такими художниками экзистенциалистского толка мы нередко воспринимаем, как говорится, в общем и целом, в неких отвлечениях. Но вот я беру статьи Егора Исаева о литературе, опубликованные за последнее время в центральных газетах, его небольшую книгу «Вершины», вышедшую в издательстве «Правда», и сразу же — в любой строке и в любом образе — ощущаю именно эту внутреннюю непримиримость, идейно-эстетическую четкость позиций во всем, что касается убеждений автора.

Нет, не стена в качестве трансценденции «бытия» в «ничто» волнует Егора Исаева, страстного полемиста и знатока современной литературы. Талант, со всей горячностью утверждая: «Зимой ему тесно в закромах, а чуть снег стаял — нужно поле, весь земной простор». Именно

так: таланту нужен весь земной простор, нужна даль, нужно первочувство мира. Егора Исаева давно волнует пространственно-временная структура мира — как в его знаменитых поэмах «Суд памяти» и «Даль памяти», так и в его глубоких, полных неожиданных прозрений очерках и заметках, посвященных вершинам отечественной литературы — Горькому, Шолохову, Твардовскому, Исаковскому, Прокофьеву... И если определить, условно говоря, основные оси этого художественного мироздания, то это будут не только «даль», но и «близь», не только «высота», но и «глубина»; и все скрещивается пучком — в сердце человека, в его памяти. Вот так обнаруживается стереометрия его зрения, его внутреннего видения мира, в том числе и мира художественного, который создается по законам красоты.

Мне показался чрезвычайно важным один общий вывод, который делает Егор Исаев опять-таки во внутренней полемике с художниками «несчастливого сознания», — эти художники отрицают какую-либо связь между поколениями, связь между уходящим и входящим в мир. Самое сокровенное свойство искусства и литературы Исаев видит все-таки в гуманизме, в исторической преемственности, в продолжении жизни словом. Вот почему истинная художественность, истинная интеллигентность для него не в разуме, творящем замысловатую игру, не в высокомерном интеллектуализме. «Чистый интеллектуализм — это бильярдный шар в галстук», —

походя и весьма едко замечает Исаев. Нет, истинный интеллектуализм и истинная интеллигентность для него не в обособлении, о котором так афористично сказал Унамуно: «Я сам сиюсь себе», — то есть не в «чистом» самовыражении, а в служении другим, в служении людям, в служении родному народу. И великолепные образцы такого служения он находит в творческой одержимости Чехова и Толстого, Шолохова и Исаковского, Твардовского и Бондарева.

Многосложно, многослойно решаются основные творческие проблемы Е. Исаевым. Вначале — жизненные впечатления: какой-то случай, эпизод, какая-то поговорка или пословица, которая есть «первая хозяйка в живом языке». И именно с такой вот пословицы — броня должна быть «глубокой» — он и начинает заметки о творчестве Михаила Исаковского, к которому, увы, мы, профессиональные критики, стали обращаться все реже и реже. Затем, как в броневой кольчуге, где кольцо в кольцо, начинают воссоединяться и частности, и широкие обобщения, образуя реальную глубину и многозначность текста.

Егор Исаев лепит образ труженика-солдата, который воевал, словно работал на кровавой пашне, который был как-никак человек пожилой, серьезный, не склонный перед товарищами высказывать свою боль и свою радость... Нет, я не знаю, во всяком случае, не читал лучшего, более страстного и глубокого истолкования стихотворения «Враги сожгли родную

хату...», которое пришло из самой глубины народного горя и опять ушло в эту глубину, чем то, которое дал мне автор книги «Вершины». Безвестное пепелище. Безвестное поле. Безвестный бугорок... «В этой строфе, — пишет Е. Исаев, — все реально и вместе с тем все символично: перекресток двух дорог — это перекресток дороги жизни с дорогой смерти, с дорогой войны, а широкое поле пришло сюда как бы из-под пера летописца и раскинулось тут, как поле истории...»

Вот такая историческая даль прозревается художником в стихотворении, ставшем народной песней. И эта историческая даль позволяет нам вновь как бы воочию пережить освобождение иностранных держав в мае сорок пятого года и увидеть ту самую медаль, что так одиноко светилась на выцветшей, просоленной потом гимнастерке солдата-сироты.

Заключая очерк «Солдат Исаковского», Исаев пишет, что службу языка поэт нес безусловно. То же самое мне хотелось бы сказать и об Исаеве. Когда читаешь главы его книги, то видишь, что автор не разничивает или свинчивает то или иное произведение Шолохова и Твардовского, а как бы воссоздает его для новой жизни, для нового читательского бытия.

И подчеркну: в каждом художнике он находит доминирующую черту. Так, например, совершенно справедливо (об этом есть малоизвестное высказывание самого поэта) он утверждает, что Твардовский не столько сочинил, не столько со-

ставил из различных черт и черточек, сколько открыл своего Василия Теркина среди нас. Открыл и, добавлю я, показал в том самом историческом развитии, в той самой народной глубине, в которой есть и сказочный «находчивый солдат», и рядовой солдат-бедняга, что умер в больнице военной, и, наконец, безвестный пехотинец, что сгинул в ржевских болотах сорок второго года. Вот к таким безымянным и безвестно павшим мертвым и живым постоянно и обращалось «без вины виноватое, благородное и вместе с тем невыносимо страдающее сердце поэта» — сердце А. Т. Твардовского.

Интересно заметить и другое: в разговоре о творчестве А. А. Прокофьева, который, как известно, в революционные, молодые годы бросил крылатую строку: «Ненависть ставь сначала, а после веди любовь», Егор Исаев выделил все-таки главное в творчестве этого звонкоголосого певца Ладоги-малины и всей России. В зрелые годы, пишет Е. Исаев, он везде говорил о любви, ради любви...

Многолетний опыт изучения советской поэзии, насколько я теперь об этом могу судить, подсказывает мне, что не только Прокофьев, но и другие талантливейшие художники слова самое значительное, самое прекрасное создали во имя любви и ради любви, ради того живого, что можно посеять, выводить, вырастить...

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ